

УДК 94(47)

**ОТ «ВСЕНАРОДСТВА» К «ПУБЛИКЕ» :
К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ОБЩЕСТВА В РОССИИ XVII-XVIII вв.**

© 2011 С.В. Польской

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 01.03.2011

В центре исследования находится соотношение понятий общества и государства в России XVII-XVIII вв. Понятие «общество» в данный период нерасторжимо связано с государством. Метафорическое восприятие социально-политической реальности было основано на давней религиозной традиции. Только во второй половине XVIII века с развитием публичной сферы возникает альтернативное понимание социальных категорий.

Ключевые слова: история понятий, общество, государство, публика, политическая мысль в России XVIII века.

Исследователи уже давно, и не всегда задумываясь, используют классическое противопоставление государства и общества, говоря о самых разных периодах русской истории. Эта концептуальная оппозиция, оформившаяся в историографии второй половины XIX века, ретроспективно проецируется «государственной» школой, а затем и советскими историками на более ранние периоды. Между тем обращение к истории понятий позволяет пересмотреть устоявшиеся схемы и по-новому взглянуть на развитие «общественных» отношений в России. Изучение представлений об обществе, существовавших у людей прошлого, дает нам возможность существенно иного рассмотрения социально-политической истории. Данная статья посвящена проблеме восприятия социальной реальности и пониманию общества в России XVII-XVIII вв. В небольшом и самом обобщенном наброске мы попытаемся выяснить, каково было соотношение основных социальных понятий в мировоззрении русского человека данной эпохи и существовала ли динамика этих представлений в указанный период.

В своем лексикографическом исследовании А.А. Алексеев, обратившись к бытованию в первой половине XVIII века слов *общество*, *дружество* и *общенародие*, пришел к выводу, что все они обозначали государство. Он особо отмечал, что: «это значение, сложившись в начале XVIII в., держалось у слова *общество* на протяжении всего столетия и перешло затем в XIX в., и только в середине этого последнего под влиянием учения социалистов словом *общество* стали обозначать наше современное экономическое понятие, про-

Польской Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: s.polskoy@gmail.com

тивопоставляя его политическому понятию о государстве»¹. Действительно, на протяжении большей части XVIII века не только слово, но и само понятие *общество* было нерасторжимо связано с концептом государства. Так, в проекте елизаветинского Уложения утверждалось, что «все подданные в государстве не могут быть одного состояния»². Эта фраза очень точно определяет понимание «социальной реальности» в ту эпоху. Суть ее проста: государство состоит из подданных разных «состояний» (*états*), т.е. государство и общество здесь принципиально не разделяются. Чуть ранее В.Н. Татищев, пытаясь дать определение дворянству в своем «Лексиконе», говорил: «дворянство, или шляхетство, есть *главный и честнейший стан государства*, зане оно есть природное для обороны воинство и для расправы министерство или градоначальство». И здесь мы видим, что дворянство выступает как составная неотделимая часть государства и определяется через «государственные» функции – это его воинство, министерство, градоначальство, а не некая «общественная группа». Тот же Татищев фиксирует слитное понимание государства и общества (народа) в метафоре единого тела: «Если я всякое общенародие уподоблю человеку, то разсматривая его состояние, правительство душе, а подвластных телу уподоблю, и потому правитель должен, яко отец о чадах, и господин дома о приобретении всем пользы и покоя прилежать»³. Заметим также, что государь здесь собственно символизирует правительство, он «господин дома». Эта метафора, как мы увидим далее, имела глубокие исторические корни.

В России XVII-XVIII вв., так же, как и в Европе до Английской и Французской революций, общество не рассматривалось отдельно от государства⁴. Представление о государстве как об

отдельном механизме управления обществом было относительно новым и, можно сказать, радикальным для политической мысли той эпохи. Высказанная впервые в XVI веке идея *stato* как отдельного от личности правителя и его поданных явления весьма медленно пробивала себе дорогу не только в политических трактатах европейских мыслителей, но и в политической практике⁵. Даже в конце XVIII века «Словарь Академии Российской» фиксировал слитное понимание государства и народа:

Государство, ства. с.ср. 1) Земля или страна, обладаемая государем; царство. *Обширное, пространное государство. Распространить пределы государства. Странствовать по европейским государствам.* 2) Берется иногда вместо: народ. *Все государство возрадовалось. Обогащать, просветить государство*⁶.

Популярный учебник по «политической географии» середины XVIII века утверждал, что «государство есть собрание многих фамилий, коих благополучное состояние зависит от особого Верховного правления»⁷, мы видим здесь старую аристотелевскую схему, куда более распространённую в ту эпоху, чем идеи Макиавелли или Гоббса о разделении государства и общества. В свою очередь государство долго рассматривалось как владение государя, а государь олицетворял государство. Даже если Людовик XIV и не произносил знаменитое «*L'État, c'est moi*», то это выражение точно характеризует ментальную ситуацию. Так, по утверждению А. Мишеля, во Франции XVII-первой половины XVIII века «на практике, как и в теории, государство сливается с государем, воплощается в нём»⁸.

В сознании русского человека XVI-XVII вв. государство и общество воспринималось как «социальная совокупность», основанная на религиозном единстве. Если термин «гражданского состояния» или «гражданского общества» как противоположного «естественному состоянию» неприменим для Московии, где теория общественного договора не учитывалась в политической практике, то его вполне можно заменить «православным всенародством», которое было основой единства русской земли в сознании современников. Русская «земля», «царство», «государство» – не столько личная вотчина государя, сколько территория под божественным покровительством («Дом Пресвятой Богородицы»), данная государю для поддержания порядка и «Закона», т.е. божественного завета. Поэтому государь несёт свое служение «Великому Царю и вечному» как временный хозяин дома («тленный царь»), все прочие категории населения суть его слуги, каждый из которых выполняет свою функцию: «служилый» чин – воюет, «освященный» молится, «торговый» и «земледельческой» несут

тягло⁹. В XVII веке эта социальная структура четко закрепились в лексике челобитных: обращаясь к государю, представители податного населения должны были подписываться «сирота твой», духовенства – «богомolec твой», а служилые люди – «холоп твой»¹⁰. Само это наименование свидетельствовало о распределении «людей» по определенным «социальным» категориям. Критерием данного разделения выступала все та же идея служения каждого на своем «месте».

Государство без государя было состояние возможное, но ненормальное. Смутное время дает нам материал для осознания того, что было «государство» и кем был государь для русского человека той поры. Иван Тимофеев сравнивает царство без царя с вдовьим домом¹¹. Ситуация, когда «земля», «люди» остались «безгосударными», отражена в «Приговоре» 1611 года, где служилые люди заявляют, что «стоят за Дом Пресвятыя Богородицы», который остался без хозяина¹², его обретение – одна из главных целей ополчения. Об этом заявляет и Дмитрий Пожарский в грамотах 1612 года:

как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударными; чтоб нам, по совету всего государства, выбрати общим советом Государя, кого нам милосердный Бог, по праведному своему человеколюбию, даст; чтоб без Государя Московское государство до конца не разорилось. <...> как нам, без Государя, о великих о государственных о земских делах со окрестными государями ссылатись? и как государству нашему впредь стояти крепко и неподвижно?¹³

Когда в 1613 году избирается Михаил Романов, современники рассматривают этот акт как реализацию божественной, а не человеческой воли. Авраамий Палицын, после рассказа о Земском соборе и процедуре избрания, особо отмечает: «Но и сие всем известно бысть, яко не от человек, но во-истинну от Бога избран великий сей царь и государь». Он ссылается на божественное Провидение и утверждает, что Михаил Федорович «прежде рождения его избран от Бога и от чрева матерня помазанный», потому что «Творец и Владыка Господь Бог наш прежде бытия нашего вся вещь и несоделанная наша видеша очи Его»¹⁴. Эту же мысль разделяет Иван Тимофеев, утверждая со ссылкой на слова апостола Павла, что «боголичный» Михаил «призван не от людей и не людьми»¹⁵. В то же время, как замечает В.Е. Вальденберг: «Понятие неограниченности неизвестно древней русской литературе. Никто из древнерусских книжников не повторил формулы: *princeps legibus solutus est*, никто не высказал мысли, которая была бы однозначна с этой формулой, но, наоборот, все произведения древнерусской письменности – в том числе и те, авторами которых были сами но-

сители власти (Владимир Святой, Иван Грозный, царь Алексей Михайлович), держались мнения, что царская власть ограничена, и указывали различные пределы ее»¹⁶.

Как кажется, точная символическая визуализация государственно-общественного строя в сознании древнерусского человека представлена в знаменитой иконе середины XVI века «Благословенно воинство небесного царя» (ГТГ), где государь воплощает «воеводу Небесного царя», который ведет «святое воинство» за Архангелом Михаилом от пылающего Вавилона к Небесному Иерусалиму, т.е. от града земного к граду небесному, где на престоле восседает небесная покровительница русской земли. Икона, написанная после Казанского похода, носила не столько «триумфальный», сколько поминальный характер и утверждала идею, что благочестивые воины, погибшие в «служении», удостоиваются царствия небесного¹⁷. Та же идея всеобщего «служения» развивается сто лет спустя в письме Алексея Михайловича к В.Б. Шереметеву, где царь разъясняет ее своевольному военачальнику:

Ведомо тебе самому, как, по изволению Божию, наш государской чин пребывает и над вами, честными людьми, боярская честь совершается. А тебе, верному рабу Божию, а нашему архистратигу, хто нарицал и обещевал честь, за что еже обещевася всякое дело Божие исправляти с радостию и рассуждати люди Ево святыя в правду, воспомяни и хто с тобою глаголавый о деле Божии. Не просто Бог изволил нам, великому государю и тленному царю, честь даровати, а тебе принять; и тебе о том должно ныне и впредь Творца своего и Зиждителя и всех всячески Бога восхваляти и прославляти и нашим великого государя и тленнаго царя жалованьем утешатися и радоватися Творца своего милости, наипаче же и о том, что наше государское сердце за твою к нам, великому государю, службу обратил к тебе во всякой милости. Писано бо есть: сердце царю во руке Божии...¹⁸

Как мы видим, правление государства зависит от «государского сердца», которое «в руке Божии», но управление государством невозможно и без тех, кто «всякое дело Божие исправляет».

В конце XVII-начале XVIII в., с проникновением западной политической мысли, воззрения элиты эволюционируют, но даже секуляризация представлений о государстве была частичной. Идея служения Отечеству, заявленная Петром Великим, при внимательном изучении не настолько сильно, по сути, отличается от взглядов его отца. Только вместо «дела Божьего» появляется секуляризованная идея Отечества, которая исторически восходит к «Дому Пресвятой Богородицы». Петр I, говоря о служении Отечеству и «общей пользе», различая себя и «свое»

государство, все же недалеко ушел от царя Алексея Михайловича. Примечательна его беседа с датским послом осенью 1715 года, подробности которой Вестфален сообщил своему двору. Речь зашла о регентстве после смерти Людовика XIV, и Петр, восхищаясь деяниями французского короля, с осуждением высказался о его завещании. Вестфален попытался возразить, что право наследия во Франции определяется «фундаментальными законами», но русский царь заявил:

В таком случае государь, который, дабы создать *себе государство* процветающее и грозное, сотню раз подвергал жизнь опасности, жертвовал своим здоровьем и, наконец, привел усердием, попечением и умением свои дела в такой вид, что заставил всех соседей уважать и бояться и *себя, и своего государства*, после этого он должен, по вашему, непременно передать плоды своих трудов в руки дурака по той только причине, что он ближе всех ему по крови, чтобы тот принял за их разрушение. <...> Что до меня, то я бы назвал величайшей из жестокостей принесение безопасности государства в жертву обыкновенному установленному праву престолонаследия¹⁹.

Обратим внимание, что Петр говорит о «своем государстве», это его «строение», «плод его трудов», он создает его для себя, но в то же время думает о его будущем после своей смерти. Государство приобретает здесь самоценность, некую «вечность» по сравнению с «тленным царем», который заботится о его будущем. Дочь Петра – Елизавета, возведенная на престол гвардией, рассматривает это событие как избрание, причем не народное, а божественное. Здесь ее взгляды мало отличались от идей Авраамия Палицына и ее деда. Эпизод, рассказанный Екатериной II в «Антидоте», весьма примечателен. Елизавета, читая составленный ее приближенными Манифест о вступлении на престол, заметив, «что он начинается с обыкновенной формулы: «Мы, Божиею милостию и т.д.», сказала: Я первая лишь после Бога. Пишите: «Божиею милостию Мы и т.д.». Это последняя формула, введенная в эту минуту, существуют до сих пор»²⁰. В свою очередь метафора государства как дома, где хозяин – государь, а домочадцы – слуги, сохраняется и активно используется в официальной риторике XVIII века. Принцип «общего служения» не может быть совмещен с идеей «освобождения» от службы – поэтому ни Петр и его ближайшие преемники, ни представители дворянства долго не заводят об этом речь, поскольку нарушение порядка ведет к краху «дома». Основой этого социального порядка выступает «служение» ради столь часто упоминаемой и в официальных указах, и в частных письмах эпохи «общей пользы».

Но уже в связи с событиями 1730 года стали заметны сдвиги этой концепции. В проектах Вер-

ховного тайного совета мы обнаруживаем попытку разделения государства как института управления и общества как совокупности управляемых чинов²¹. В то же время, навязывая императрице Анне «Кондиции», *верховники* отделяют государя от государства, что заметно в составленной ими присяге 18 февраля 1730 г., где подданные присягают «ее величеству и отечеству моему», обязуясь охранять «честь и здравие Ея Императорского Величества» и поддерживать «целость всего г[о]с[у]д[а]рства и благополучие»²². Персона монарха с его «здравием» отставлена от корпуса государства. Несомненно, что на идеи *верховников* существенное влияние оказали сочинения европейских политических мыслителей. В частности, Д.М. Голицын был не только владельцем крупнейшей частной библиотеки эпохи, но и заказчиком переводов трактатов виднейших теоретиков естественного права – Гроция, Пуфендорфа и Локка.

Во время политического кризиса 1730 года из шляхетской среды впервые прозвучали идеи ограничения и даже отмены обязательной службы дворянства²³. Это требование свидетельствовало о разрушении концепции единого «служения». Правящая элита начинает пересматривать московские представления, благодаря знакомству с западной политической мыслью. Переводы католических мыслителей, затем Гроция и Локка, распространение теории естественного права пошатнули в умах образованных людей традиционные концепции. Чем был обусловлен подобный интерес дворянской элиты к западным политическим сочинениям? Представители московских верхов в петровскую эпоху достаточно быстро интегрировались в европейскую культуру, отбирая в западных образцах то, что соответствовало их аристократическим предпочтениям²⁴. Они явно искали в западной политической мысли обоснования для своего активного участия в делах страны. Европейское образование постепенно разрушало укоренившиеся представления и способствовало как секуляризации взглядов элиты, так и зарождению среди ее представителей идеи ограничения власти монарха «непременными» законами, определяющими сословные права и привилегии. К середине века правящая элита моделировала новые идеи и ставила иные вопросы. В елизаветинское царствование наметилась определенная идейная борьба между сторонниками отчасти секуляризированной и обновленной идеи общего «служения» и сторонниками идеи договора государства и общества ради «общего блага». Первую тенденцию представлял граф П.И. Шувалов (1710-1762), фактический руководитель внутренней политики России в 1750-е гг., который в своих речах и проектах развивает идею «служения» государству:

Отечество возрастает из силы в вышних сил пределы, народ и все общество благоденствует, плавая в полезностях ... Сколько ж крат щастливее вас мы, всеподданнейшии тем, что удостоены присудствовать в таком освященном месте, чрез которое протекает добро неописанное, возстановляющее отечество в вышнюю степень совершенства, тем и сподобляемся в бесконечныя времена быть участниками того безсмертия, которым венчаются имена великих мужей к достойной благодарности. Какая заслуга может быть достаточна изобрести надежды, нет, пролить ли кровь свою в потребном случае, истратить ли здоровье и протчие приключения, подобныя сему, понести не видятся. Довольны тем, что все то есть должность в которую всяк раб государю и отечеству своему гражданскою, общею и натуральною правою обязан²⁵.

П.И. Шувалов в своих проектах, казалось бы, разделяет «общество» («народ») и государство («отечество»), но «щастие» их связано государем, как протяженная (*res extensa*) и мыслящая (*res cogitans*) субстанция связана Богом Декарта. Поэтому подданные должны не просто служить, а «пролить кровь свою в потребном случае» и пойти на «протчие приключения», поскольку так требует не только «воля божия», но и «натуральное» право (*jus naturalis*). Правда, теперь «служение» заканчивается не «царствием небесным», а «безсмертием, которым венчаются имена великих мужей».

Вторая тенденция представлена государственными деятелями, которые более четко разделяют монарха, государство и публику, эти представители политической элиты хорошо были знакомы как с интеллектуальными новинками, так и сами некоторое время провели в Европе. Как, например, бывший посол в Швеции граф Н.И. Панин, знакомый с новейшими течениями политической мысли, в своем докладе 1762 года обрушился с критикой на елизаветинское правительство и писал об ответственности государственных деятелей не только перед монархом, но и перед «публикой»:

Ласкатели же государю говорят: ведь-де у вас есть свой Кабинет: извольте чрез него приказывать. Вредное различие! Будто б все места правительства не равно собственные были самодержавного государя, когда и государство все его быть должно. Да только разница в том, что, когда государевы дела выходят из сих мест правительства, всякий сюрприз и ошибку публика приписывает министрам государевым, которые особливим побуждением обязаны оное предостерегать и сами так дерзко не могут взлагать то на государя, будучи *честью и званием также обязаны к отчету в их поведении не токмо пред своим государем, но и перед публикою*. В таком по-

ложении государство оставалось подлинно без общего государственного попечения с течением только обыкновенных дел по одним указам всякого сорта. Государь был отдален от правительства²⁶.

Панин, утверждая, что государство «принадлежит» государю, смеет предполагать, что последний может быть «отдален от правительства», а исполнители его воли, его слуги («министры») обязаны отчетом «публике». Подобное утверждение было несомненной новостью для отечественной политической мысли. Но кого, собственно, подразумевает Панин под «публикой»? Это вовсе не общество в современном понимании, а исключительно дворянская элита, способная к политической рефлексии, но само выделение «публики» свидетельствовало о зарождении «общественного мнения». Идеи Н.И. Панина были радикальны для русских политических представлений эпохи, хотя и не меняли распространенного восприятия государства, о котором мы говорили ранее. Однако идея «публики» становится все более распространенной. А.П. Сумароков мог уже говорить о публике как отделенном от «всенародия» и государства явлении, он писал, что слово *публика* «не знаменует целого общества, но часть малую оно: то есть людей знающих и вкус имущих»²⁷. В то же время он мог с осуждением говорить о московском дворянстве: «какова здешняя *публика*, это уходит от изображения самого Аполлона, ибо все улицы в Москве невежеством вымощены толщиною аршина на три»²⁸. Но и в обеих фразах *публика* выступает как социум, а не государство.

Во второй половине века благодаря образованной дворянской публике происходит выделение понятия «общества» как «общественности», объединенной совместными интересами. Наряду со старым господствующим пониманием «общества» как государства с проживающими на его территории подданными в «Словаре Академии Российской» появляется новое второе значение:

Общество, ства. с.ср. 1) Народ под одними законами, под известными уставами, правилами, купно живущий. *Жить в обществе. Человек рожден для общества. Человек обязан быть полезным обществу. Обществом защищается от неприятелей.* 2) Сословие людей; собрание многих лиц имеющих в виде одинакое намерение и тот же предмет. *Общество ученых мужей. Общество купеческое, промышленников, ремесленников*²⁹

Таким образом, понятие *общество* в России XVII-XVIII вв. оказывается нерасторжимо связанным с концептом *государство*. Соответственно, их противопоставление в сознании современников практически невозможно, поскольку общество является составной частью государства. Следует отметить, что и понимание государства существенно отличалось от современного. Нача-

чала «государство» воспринималось как владение государя, ответственного за свой народ («всенародство») перед богом. Это метафорическое восприятие социально-политической реальности было основано на давней религиозной традиции. В XVIII веке, с проникновением контрактных концепций естественного права, понимание государства усложняется. Теперь государство есть следствие договора, образующего «гражданское общество», которое выступает как синоним государства и антоним естественного (догосударственного) состояния. Только во второй половине XVIII века с развитием публичной сферы возникает альтернативное понимание социальных категорий, важнейшей из которых становится «публика», выступающая как адресат государственных «публикаций» и источник «общественного мнения». Правда, эта «публика» пока была ограничена исключительно светскими салонами столицы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Алексеев А.А. Из истории общественно-политической лексики петровской эпохи // XVIII век. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века / Под ред. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Моисеевой. Л., 1974. С.315. Хотя необходимо отметить, что уже во второй четверти XVIII века у «общества» появляется конкурирующее «узкое» значение: собрание индивидов, объединенных общими целями. Так, один из шляхетских проектов 1730 года начинался словами: «Ныне *обществом* сочиняется», где общество никак не коррелирует с государством. См.: Памятники новой русской истории. СПб., 1871. Т.1. Отл.2. С.7.

²РГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.63. Ч.1. Л.157.

³Татищев В.Н. Избранные произведения / Под общей ред. С.Н. Валка. Л.: Наука, 1979. С.255, 121.

⁴Сам термин «государство» в данную эпоху неоднозначен, С.К. Ингерфлом полагает, что в России XVII века государство – это прежде всего «le domaine privé» царя. См.: *Ingerflom Claudio-Sergio*. Oublier l'État pour comprendre la Russie // Revue des Études slaves. T.LXVI. 1994. №1. PP.125-145.

⁵См.: *Скиннер К.* The State // Понятие государства в четырех языках. Сб. статей / Под ред. О.Хархордина. СПб.-М., 2002. С.12-74.

⁶Словарь Академии Российской. Ч.2. СПб., 1790. С.280.

⁷Антон Фридриха Бишинга РУКОВОДСТВО к основательному и полезному познанию географического и политического состояния Европейских государств и республик, переведено с немецкаго Алексеем Разумовым. СПб., 1763. §1. О государстве вообще. С.1.

⁸Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М., 2008. С.30. Однако это вовсе не означает, что во Франции господствовала ничем не ограниченная монархия, наоборот, Людовик XIV опирается на «фундаментальные законы» в своей политике, и даже, по мнению Дени Рише, «tous ce qu'il a dicté témoigne qu'il a toujours eu conscience de la priorité et de la pérennité de l'intérêt de l'Etat». *Richet D.* La France moderne, l'esprit des institutions. Paris: Flammarion, 1973. P.58.

⁹См. письмо царя Алексея Михайловича к боярину В.Б. Шереметеву (6 мая 1660 г.), где он упрекает последнего в том, что он, нарушив волю царя, не выполнил своей

- «функции в цепи «служений»: «Ведомо тебе самому, как Великий Царь и вечный изволил быть у нас, великого государя и тленного царя, тебе, Василью Борисовичу, в боярех не туне» // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т.2. С.751.
- ¹⁰ Марасинова Е.Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С.257. Е.Н. Марасинова обращает внимание на указ Петра 1700 года, в котором упрекаются городские и земские чиновники за то, что «пишутся в отписках *холопами*, которых чинов напред писались *сиротами*; и буде впредь кто станет писаться, и за то будет учинено наказание», правда, уже в 1702 г. Петр унифицировал всех подданных общим наименованием – «нижайший раб». Правда, как отмечает исследовательница, «раб» было «книжным» термином, который в то время не нес уничижительного значения, ср. «раб божий». (Там же. С.258-260).
- ¹¹ См.: Ingerflom C.-S., Kondratieva T. «Bez carja zemlja vdova»: Syncretisme dans le Vremennik d'Ivan Timofeev // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol.34. №1-2. P.257-265.
- ¹² Вопрос из грамоты 1612 года звучал риторически, поскольку ответ был очевиден: «Может ли и не великая хижица без настоятеля утвердиться и может ли град без властодержателя стояти, не только что такому великому царству с окрестными странами без государя быти?» // Акты Археографической экспедиции. Т.2. 1598-1615. СПб., 1836. №202. 1612, апрель. Послание архимандрита Троицкого Сергиева монастыря Дионисия и келаря Авраамия к кн. Пожарскому и всем ратным людям. С.252.
- ¹³ Акты Археографической экспедиции. Т.2. №03. 1612, апреля 7. Грамота воеводы кн. Пожарского с товарищами из Ярославля к Вычегодцам. С.256.
- ¹⁴ Палицын Авраамий. Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы; и о бывших потом в России мятежах. Изд. 2-е. М., 1822. С.293, 304.
- ¹⁵ Временник Ивана Тимофеева. М.-Л., 1951. С.338. Далее Тимофеев говорит: «и как нам повелел (бог) опять ожить и заповедал благостройно облечься, как в ризу, в прежнее великолепие и красоту, готовя достояние *слуге своему* – великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси и исполняя слова Давидова псалма, где говорится: “вознес избранного от людей моих”. И как Адаму прежде его сотворения, все, что находилось под небом, устроил, так и нашему государю Михаилу царю великое русское царство, предуготовав, отдал в полную власть» (Там же. С.343-344).
- ¹⁶ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006. С.352.
- ¹⁷ По нашему мнению, наиболее глубокая трактовка иконы представлена в работе: Кочетков И.А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая»: («Благословенно воинство небесного царя») // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т.XXXVIII. С.185-209.
- ¹⁸ Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т.2. С.752.
- ¹⁹ Цит. по: Бушкович П. Петр Великий: борьба за власть (1671-1725) / Перевод Н.Л. Лужецкой. СПб: Дмитрий Буланин, 2008. С.353-354. (*курсив наш* – С.П.)
- ²⁰ Антидот // Оснадацатый век. Исторический сборник издаваемый П. Бартевым. Кн.4. М., 1869. С.309. Речь здесь идет о Манифесте 25 ноября 1741 года (ПСЗ. Т.11. №8473. С.537). О титулах, в том числе о форме «Божиею милостию Мы» было дано специальное постановление 27 ноября 1741 «Форма о титулах Ея Императорского Величества в грамотах, докладах, челобитных, доношениях и пашпортах» (ПСЗ. Т.11. №8475. С.541)
- ²¹ См. подробнее: Pol'skoj S.V. L'élite dirigeante russe dans la crise politique de 1730 // Cahiers du Monde russe. Vol.50, 2009/2-3. L'Europe orientale, 1650-1730. Crises, conflits et renouveau. P.395-407.
- ²² РГАДА. Ф.176. Оп.2. Д.50. Л.53.
- ²³ Об этом свидетельствует письмо А.П. Волынского, где он говорит – «слышно, что делается воля к службе», по его мнению, это ведет к тому, что «всяк захочет лежать в своем доме, разве останутся одни холопы и крестьяне наши, которых принуждены будем производить». (Дело Салникова // ЧОИДР. 1868. Отд.5. С.29.)
- ²⁴ П. Бушкович указывает, например, на князя Б.И. Куракина (1676-1727): «Куракин мыслит во вполне европейских категориях, той же печатью отмечен и его язык». В 1723 году английский дипломат Ч. Уитворт слышит от него осуждение Петра I, который, по словам князя, стремится только к собственной славе, не думая «what becomes of his country when he is dead», и рассуждая, что «pereunte me pereat mundus». (Бушкович П. Петр Великий... С.445, 449).
- ²⁵ Шmidt С.О. Проект П.И. Шувалова 1754 г. “О разных государственной пользы способах” // Исторический архив. 1962. №6. С.106.
- ²⁶ Сб. РИО. Т.7. СПб., 1871. С.206.
- ²⁷ Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений. Ч.IV. М., 1781. С.61.
- ²⁸ Сумароков А.П. Письмо Екатерине II от 4 марта 1770 г. // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С.139.
- ²⁹ Словарь Академии Российской. Ч.4. СПб., 1793. С.601.

FROM «PEOPLE» TO «PUBLIC»: ON THE UNDERSTANDING OF SOCIETY IN RUSSIA IN THE XVII-XVIII CENTURIES

© 2011 S.V. Polskoy

Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

The main research subject of this article is the relationship between the concepts of society and state in Russia of the XVII-XVIII centuries. The notion of society in this period is inextricably linked with the concept of state. Metaphorical perception of the socio-political reality was based on a long-standing religious tradition. An alternative understanding of social categories emerged in the second half of the XVIII century in connection with the development of the public sphere.

Key words: history of concepts, society, state, public, political thought in Russia of the XVIII century.